

Ирина Матлак

АКАДЕМИЯ ПЯТИ СТИХИЙ. ИССУШЕНИЕ
АКАДЕМИЯ ПЯТИ СТИХИЙ. ВОЗРОЖДЕНИЕ

•
ЛИСЫ ВЫБИРАЮТ СЛАДОСТИ

•
СУМЕРЕЧЬЕ. ДЕВЧОНКА ИЗ СЛЕЗНЫХ ТРУЩОБ
СУМЕРЕЧЬЕ. УНДИНА ОСОБЫХ КРОВЕЙ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Ирина Матлак

Сумеречье.
Ундина особых кровей

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2018

«Издательство А.ЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
МЗЗ

Серия основана в 2011 году
Выпуск 403

Художник
А. Клепаков

Матлак И. А.

МЗЗ Сумеречье. Ундина особых кровей: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2803-8

Происхождение определяет многое — в этом я убедилась снова. Никому не известная девчонка из Слезных трущоб, с утра до ночи работающая в рыбной лавке, осталась в прошлом. Но что, если доля ловца еще тяжелее, а ундина особых кровей привлекает слишком много внимания?

Новые происшествия и расследования, поиски осколков кристалла душ и встреча с матерью, ради которой придется выйти в высший свет. Адмирал Рей, проявляющий ко мне все больший интерес, и Кайер Флингт, действия которого никогда невозможно предугадать. Но самое сложное — разобраться в себе, в своих чувствах и понять, кем я являюсь на самом деле.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Матлак И. А., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2803-8

ГЛАВА 1

Встреча принцессы Линарии разительно отличалась от того приема, какой устраивали принцессе Калисте. Не было восторженной толпы и фейерверков, громких криков и грандиозного шоу. На набережной виднелась всего пара-тройка зевак да несколько отрядов вооруженных до зубов стражей.

После недавнего восстания нежити люди и даже нелюди предпочитали проводить вечера дома, а если по необходимости и появлялись на улице, то набережную обходили стороной.

Призрачный мост появился в то же время, что и всегда, озарив своим сиянием темные воды Сумеречного моря. Взмыла вверх россыпь серебристо-голубых искорок, в синей дымке проступили очертания изящных, точно высеченных из льда перил, и до нашего корабля, носящего гордое название «Летащий», донеслось легкое дуновение морозного ветра. Привычным жестом поправив красный шарф, я выдохнула облако белого пара, зябко повела плечами и посмотрела на адмирала.

Эртан Рей возглавлял несколько объединенных отрядов, восседая на черном морском волке. Прекрасно-пугающее зрелище не вызывало такого восторга, как раньше. Я уже привыкла к своей принадлежности к морскому флоту, хотя один только взгляд адмирала до сих пор заставлял меня цепенеть. К счастью, в этот момент прозрачно-голубые глаза были обращены к появившейся на мосту фигурке.

Принцессу Линарию, в отличие от ее сестер, я видела впервые. Черты ее лица казались несколько смазанными, но была различима миловидность, даже некоторая детскость. Бело-снежные волосы до плеч украшал серебряный ободок с прозрачными драгоценными камнями, белая шубка отличалась простым покроем, из-под длинного платья выглядывали кончики темных сапожек без каблуков.

Линария шла не одна. Конечно, она не могла похвастаться такой огромной свитой, какую имела ее младшая сестра, но все же на мосту я насчитала десять сопровождающих. Почти все они были людьми, среди свиты выделялись только двое зимних эльфов и старик, явно являющийся сильфом. Наравне со стариком шел закутанный в черный плащ мужчина, чью расовую принадлежность я так и не определила.

Куда больше немногочисленной свиты меня привлекла тележка, которую катили зимние эльфы. На ней возвышался большой аквариум, украшенный серебряной ковкой и драгоценными минералами. В аквариуме непринужденно плавал белоснежный морской котик. Точнее, кошка. А еще точнее, не просто кошка, а леди Сапфира Раолира — законодательница кошачьей моды, модель и известная на все королевство кошачья личность. В отличие от хозяйки, которую простой народ считал несколько странной, леди Сапфиру обожали абсолютно все. Сейчас она вальяжно перебирала в кристально чистой воде лапами, чуть подрагивала пушистым хвостом и с ленцой поглядывала на отсек с мелкими рыбешками, уготованными ей в качестве корма.

Сама же принцесса выглядела несколько отстраненной. Она осматривалась по сторонам, но казалось, ее большие глаза лишены каких бы то ни было чувств. Зато прекрасно чувствовалась исходящая от нее магия — легкая, воздушная, как сами сильфы, которые, согласно легендам, являются прямыми потомками обитателей Поднебесья.

Когда Линария сошла с Призрачного моста, к ней подвели оседланного белого пегаса, красотой ничуть не уступающего черным сородичам. Сами по себе черные считаются куда более редкими, но в наших извечно сумеречных краях редко можно увидеть именно белых — солнце они любят и тепло, а у нас ни того ни другого.

— Красиво, — невольно восхитилась я, когда принцесса, сидя верхом, взмыла в воздух.

Сопровождающие предпочли лететь в каретах, запряженных грифонами, и лишь старый сильф составил компанию ее высочеству, оседлав еще одного белого пегаса. Видимо, все сильфы предпочитают белых.

Вместе с восхищением я испытывала и смутное беспокойство, с недавних пор прочно обосновавшееся в душе. После того как из гоблинского банка были украдены два осколка кристалла душ, патрули на море усилились. Пираты преследова-

лись еще активнее, хотя напасть на след Кайера Флинта, который и совершил кражу, по-прежнему не удавалось. Помимо этого поиски еще одного осколка велись среди дрею, но нынешнее местонахождение их жрицы оставалось тайной, да и сам темный народ прятался по катакомбам и не казал на поверхность носу. Даже объединив усилия со следственным отделом, адмирал не мог его отыскать.

Адмирал... И все-таки до чего сложно поверить, что он взял меня под свою личную защиту! Тысячная мысль по этому поводу заставила невольно прикусить губу и снова нервно поправить шарф.

— Ты в порядке? — спросила стоящая рядом Крилл. — У тебя сейчас такой странный вид...

Я так активно закивала головой, что она удивилась еще больше и уже собралась что-то спросить, но тут к кораблю подбежали морские волки и на палубу взошли ловцы нашего отряда во главе с капитаном Вагханом.

Вечер сегодня был свободный, и большинство наших захотели провести его в городе. В отличие от обычных горожан, возможного нашествия нежити ловцы не опасались и чувствовали себя почти королями, свободно разгуливая по полупустым улицам.

Тем не менее я предпочла вернуться в корпус и в своем желании оказалась одинока. Даже Крилл захотела немного развеяться, так что в уже ставшие родными стены я шла в гордом одиночестве.

Сердце грела мысль о том, что уже завтра я получу причитающееся жалование, которое нежданно-негаданно подняли на целых два сребреника. Позавчера был подписан указ, согласно которому все ловцы, кадеты и даже стражи получали надбавку за то, что сумели справиться с восставшим дном и защитили простой люд. И пусть основная заслуга принадлежала адмиралу Рею, я все равно чувствовала определенную гордость как за себя, так и за всех ребят. Правда ведь молодцы!

А лишняя копейка мне сейчас была ох как нужна. У кадетов начинался новый этап обучения, и мы должны были обзавестись личными шаромагами, дабы лучше контролировать и изучать свою магию.

Эта проблема доставляла мне головную боль не только из-за того, что придется потратить кругленькую сумму, но и потому что скрыть свою принадлежность к особому роду ундин в таком случае будет сложнее. Даже представлять не хо-

чется, что будет, если кто-нибудь случайно увидит в моем шаромаге восьмиконечную хризантему! Впрочем, капитан Вагхан обещал обо всем позаботиться — с подачи адмирала, разумеется.

Над окутанным сумерками островом разносилась красивая музыка. Сегодня призрачный оркестр, состоящий из потерянных душ, некогда бывших музыкантами, исполнял душещипательную балладу. В небе виднелся хвост тянущегося за ними белого шлейфа, и показалось, что мороз стал еще крепче. Странные они все-таки, эти музыканты — безобидные настолько, что даже не нуждаются в подчинении.

Подойдя к знакомой скале, вершина которой скрывалась где-то в темно-синей дымке, я осмотрелась по сторонам, убедилась, что поблизости никого не наблюдается, и негромко позвала:

— Ган!

Моя синемордая и, можно сказать, практически ручная нечисть появилась мгновенно. Некрупное неказистое существо, лишь отдаленно напоминающее человека, привычно оскалилось, обнажив множество мелких зубок, что в его случае обозначало дружелюбную улыбку. Ну ладно, не совсем дружелюбную. Ши и дружелюбие — понятия вообще строго противоположные.

— Прощу! — прищелкнув каблуками тяжелых ботинок прямо в воздухе, Ган отвесил ироничный поклон.

Вид у него при этом был ехидно-хитрющий. В общем-то такое выражение отражалось на синей морде всегда, но сейчас меня что-то насторожило, и вместо того чтобы подойти, я осталась стоять на месте, с подозрением на него косясь.

— Ну, чего заледенела? — в хриповатом голосе послышалось раздражение. — На своих костылях подниматься, что ль, собралась?

Еще пару секунд в сомнениях потоптав снег, я отбросила необоснованную нерешительность, приблизилась к Гану, и тот с довольной физиономией прищелкнул узловатыми пальцами.

Перед глазами, как обычно, мелькнула смазанная картинка, а когда зрению вернулась ясность, я обнаружила, что стою вовсе не перед воротами корпуса. Ши перенес меня куда-то не туда.

Мы оказались в небольшой темной пещерке, на стенах которой горела пара тусклых факелов. Пол здесь покрывал выдавший виды линялый ковер, на котором стояло кресло с по-

тертой фиолетовой обивкой. Чуть дальше — стопка потрепанных книг, на которых возвышалось... еще одно кресло, совсем маленькое, но как раз подходящее под размер ши. Еще дальше высились сундуки, из разъявленных пастей которых выглядывали разнообразные старые вещи. А из некоторых — драгоценности в виде многочисленных бус и золотых монет, поблескивающих в полумраке.

— Вваливайся, не мнись на пороге, — относительно гостеприимно пригласил Ган, косясь на меня и явно ожидая моей реакции. — Чай пить будем.

«Вваливаться и не мяться на пороге» я не спешила хотя бы потому, что была ошарашена. Целиком и полностью.

Вот ши! Он что, притащил меня в свое логово?!

— И как это понимать? — осведомилась, продолжая обследовать пещеру взглядом. — Кажется, я в гости не напрашивалась.

Опустившись на пол, Ган протопал к разместившемуся в углу котлу и, обернувшись, через плечо бросил:

— Так давно договор пора отметить. У нас теперь узы. Кровные, считай.

И облизнулся — довольно так, точно объевшийся синеводкой морской котик.

В целом, пока ничего криминального не происходило, да и, откровенно говоря, посмотреть, как живет настоящий ши, было интересно. Поэтому мяться я все же перестала, неспешно прошла вглубь пещеры, ступила на тот самый выцветший ковер и тут же ощутила горьковатый травяной запах.

Ган орудовал у подвешенного котелка, под которым располагался мелкий артефакт с огнем саламандры. Вареву активно бурлило, над ним вздымался белый пар, сдобренный мелкими синими искорками. Гану пришлось взгромоздиться на табурет, и сейчас эта синюшная мелочь обеими руками помешивала свое вареву большим деревянным черпаком.

Зачерпнув мутноватую, не внушающую доверия жидкость, Ган шумно на нее подул, причмокнул и констатировал:

— Чабреца еще надо.

Пока я продолжала осматриваться, он взлетел под самый потолок и снял с полки баночку с сушеными травками и соцветиями. Опустившись обратно, кинул щепотку в вареву и, вдохнув с новой силой попавший ему в лицо пар, вновь причмокнул — теперь удовлетворенно.

— Это и есть чай? — не пытаясь скрыть скепсиса, уточнила я.

— Что б вы, смертные, в чаях понимали! — с важным видом упрекнул Ган. — Чай — это что, по-твоему?

— Напиток, травяной сбор, — ответила не задумываясь.

— Во-о-от, — подняв указательный палец, протянул он. — А на самом деле чай — это состояние души. Каждый в него что-то свое добавляет: кто магию, а кто неосознанно — настрой. Мой чай — с вкраплениями магии ши, а стало быть, самой Глубины.

Теперь уж точно решив, что пить это не стану, я переключила внимание на груды сундуков. Что греха таить, привлекли меня и украшения, и золотые монетки. Яркие они поблескивали, соблазнительно так, словно бы просясь в руки. Но трогать сокровища ши я все-таки не рискнула и довольствовалась их созерцанием.

— Ты присаживайся. — Ган продолжал строить из себя удивительно гостеприимного хозяина. — Харэ мне ковер своими сапожищами гваздать.

Я и присела — аккуратненько, на краешек, чтобы мне вдобавок не предъявили порчу «великолепной новой» мебели и не выставили счет в виде нескольких капелек крови. Не удивлюсь, если для этого сюда и позвали.

Вскоре Ган достал с полки надтреснутый замызганный стаканчик, плеснул в него чаю и, едва удерживая в руках, протянул мне. Взяла — взяла, а вот пить по-прежнему не собиралась.

Себя ши тоже не обидел, чем несказанно меня удивил.

— А я считала, вы только кровью питаетесь, — честно призналась я.

— А ты думаешь, ее так легко достать? — сделав глоток, проворчал Ган. — Я же до того, как с тобой встретился, вообще помирал. Надо же хоть чем-то силы поддерживать. В идеале, конечно, ромом али элем, но за неимением оно и чай сгодится. А еще...

Далее мне прочитали длинную лекцию на тему того, как выжить несчастному, одинокому ши после внезапного пробуждения и чем чревато для их народа долгое воздержание от любимого лакомства. Благо за такими рассказами Ган совсем не обращал внимания на мой по-прежнему полный стакан, по поводу чего я облегченно выдохнула. Обижать его все-таки не хотелось. А то мало ли... ши ведь злопамятные.

— Давай-ка кое-что проясним, — вставила я, когда в жалостливом повествовании наступила короткая пауза. — Ты позвал меня сюда, просто чтобы напоить чаем?

Ган кивнул.

— И все?

Кивнул снова.

— А в чае есть какая-то тайная добавка, которая не сулит мне ничего хорошего?

Кивнул в третий раз. На мгновение замер и, стукнув себя по лбу, замысловато выругался.

— Протухший плавник! Да не то я хотел сказать, совсем не то! — принялся оправдываться он. — Самый обычный чай, вот-те глубинное слово, самый что ни на есть обычный!

Глаза-бусинки забегали, острые коготки впились в удерживаемый стаканчик, что только укрепило меня в мысли — здесь что-то нечисто. Причем нечисто — в прямом смысле.

— Та-а-ак, — протянула я, решительно опустив свой стакан на пол. — Ну-ка, живо рассказывай, что ты мне подмешал!

Рассказывать он явно не хотел и намеревался стоять до последнего. По части увиливаний ши — те еще мастера, но меня с толку тоже не сбить: если решила докопаться до правды — докопаюсь! И пусть до пробирающего, пронизывающего нас сквозь взгляда адмирала мне еще расти и расти, при необходимости в гляделки тоже играю неплохо.

Даже весьма неплохо, если судить по напряженности Гана и тому, насколько быстро он сменил тактику и принялся оправдываться:

— Да ничего особенного в чае этом нет! Всего-то щепотулечка свойств, которые могут помочь быстрее раскрыть магический потенциал. Мамой клянусь!

— Ши почкованием размножаются, — вкрадчиво напомнила я. — Клятва не принята.

Ган буквально взвыл:

— У-у-у, вьедливая какая! Ладно, Глубиной тебе клянусь, так годится?

Сложив руки на груди, решительно возразила:

— Клятвам ши вообще верить не стоит, так что прости, — и без перехода осведомилась: — Так зачем, говоришь, тебе мой потенциал раскрывать понадобилось?

Внутри так и зашевелилось нехорошее подозрение, связанное с тем, что действовать Ган мог не только в своих интересах. Возможно, у меня на фоне происходящих событий и прогрес-

сировала паранойя, но вероятность постороннего вмешательства я не исключала.

По тому, как Ган отвел взгляд и нервно постучал друг о друга указательными пальцами, я поняла, что от истины в своих умозаключениях ушла недалеко. Теперь оставалось понять, кто именно и с какой целью надоумил его напоить меня этим «чаем».

На добровольное сотрудничество ши идти по-прежнему отказывался, поэтому информацию пришлось тянуть буквально крабьими клешнями. С какой бы стороны зайти ни пыталась, он кривился, отворачивался и всем своим видом выражал раздражение.

Устав ходить вокруг да около, я спросила прямо:

— Адмирал Рей?

— Дно тебя поглоти! — взвился Ган. — Да как тебе только в голову могло прийти, что я — чистокровное, древнее исчадие Глубины стану сотрудничать с таким отвратительно благородным типом?! Да еще и повелителем пятисот потерянных душ? Не-не, мне моя шкура пока дорога.

— Четырехсот девяноста девяти, — машинально поправила я. — Значит, меня ты отвратительно благородной не считаешь, раз сотрудничаешь?

Обратив на меня внимательный взгляд, Ган едва заметно улыбнулся. Улыбка эта была странной, словно бы он знал что-то такое, о чем я не могла даже догадываться. В маленьких глазках блеснуло лукавство.

Но заострять на этом внимание я сейчас не стала и, пока ши немного расслабился, озвучила главную догадку:

— Кайер Флинт?

Ган вздрогнул всем телом, сложил руки на груди и теперь уже совсем недобро на меня зыркнул. Недобро, но совсем не так, как прежде. Похоже, я попала в яблочко. Даже неудивительно — можно было сразу понять, что за всем этим снова стоит капитан пиратов. Поднебесные, да есть хоть что-нибудь в этом мире, о чем он не знает? О моей сделке с ши — и то пронюхал!

— Вот возьму и расторгну наш договор, — пригрозила раздосадованная я. — Лучше буду пешком по глубинной лестнице подниматься, чем иметь дело с тем, кто бессовестно меня продает!

Ган выглядел виноватым ровно настолько, насколько ши могут выглядеть виноватыми в принципе. Он опустил в свое

маленькое креслице, закинул ногу на ногу, подпер подбородок кулаком и тяжело вздохнул:

— Да не продаю я, мамой кля... — Наткнувшись на мой все еще немигающий взгляд, осекся и тут же эмоционально закончил: — А ты попробуй отказать теневому охотнику! Мы, ши, их боимся, как мелкая рыбешка — чернозубых акул! А этот еще и Флинт подослан... Э-эх, и что ж это за жизнь у меня такая? Угроздило же так не вовремя проснуться!

Видимо, здесь мне предполагалось преисполниться к нему великим сочувствием, но куда больше я сочувствовала себе. Даже закралось предательское желание уподобиться Гану, пожалеть себя и как следует поныть, но, вспомнив об адмирале Рее, я резко передумала.

Если вдуматься, для меня все складывается гораздо лучше, чем могло бы быть. По крайней мере, есть те, кто обещал меня защитить от Флинта и ему подобных. И в этом свете жалеть себя просто непозволительно. Я ведь кадет! Почти что ловец Морского корпуса! А ловцы ничего не боятся и никогда не жалуются.

Примерно в тот миг, когда я подумала «ничего не бояться», пылающий под котелком огонь дрогнул. А вместе с ним дрогнул Ган, вжавшись в спинку кресла, и в ужасе вздрогнула я, потому что прекрасно знала, чем такое внезапное поведение огня обычно заканчивается.

Нет! Нет-нет-нет, к такому я абсолютно не готова!

— Живо переноси меня к воротам корпуса! — потребовала у Гана, но было поздно.

Из рыжего пламени во всем своем великолепии вышел легендарный капитан пиратов, угроза морей и моя непрекращающаяся, вечно преследующая головная боль. Кайер Флинт.

Отряхнув рукава от осевшего пепла, он мельком осмотрелся, скользнул взглядом по съезжившемуся Гану и остановился на мне.

Одна маленькая беспомощная ундина была невероятно расстроена этой самой беспомощностью, а также была готова придушить одного ши, по чьей милости влипла в такую неприятность.

Говорят, безвыходных ситуаций не существует. Но, похоже, они все-таки есть. Поскольку конкретно в данный момент выхода из этой пещеры для меня не было, и я понимала, что придется терпеть общество пирата ровно столько, сколько он желает здесь задержаться.

— Обзавелась покровителем, синеглазка? — ровно спросил Флинт.

— Разве есть причины не принимать бескорыстную помощь? — вопросом на вопрос ответила я, даже сумев не отвести глаз.

Теперь в его голосе звучала усмешка:

— Бескорыстную? Ты слишком наивна, если считаешь, что Рей решил защищать тебя просто так.

Флинт сделал несколько шагов по направлению ко мне, вынудив невольно напрячься, и без перехода обратился к Гану:

— Плесни мне рома. Лучшего, пожалуйста.

Подчинился ши на удивление быстро. Прытко вскочил с места и, не переставая что-то бурчать под нос, подлетел к одному из своих сундуков. Тщательно в нем порылся и извлек увесистую пыльную бутылку, на которую тут же дыхнул и тщательно ее протер. Затем на верхней полке отыскался еще один стаканчик, который также был очищен, в отличие от предложенного мне, и Ган торжественно преподнес его Флинту. Даже еще одно потрепанное кресло откуда-то взял, магией придвинул его к незваному гостю и суетливым жестом предложил присесть.

Пока все это происходило, я в полной мере прочувствовала на себе смысл поговорки «сидеть как на ежовых иголках». Так и представлялось, что подо мной лежит крупный и невероятно колючий обитатель морских вод.

Оставив стакан без внимания, Флинт хлебнул ром прямо из горлышка, на мгновение замер, будто бы прислушиваясь к себе, и удовлетворенно кивнул. Сделал еще глоток — и вот на меня снова обращен его взгляд.

— Рей верно служит королю, — произнес пират, небрежно откинувшись на пыльную спинку кресла. — Если получит приказ доставить тебя в грот, дабы собрать кристалл душ, он его исполнит.

Непроизвольно сжав кулаки, я выдавила:

— Вы сами верите в то, что говорите? Неужели за годы совместной службы не успели его узнать?

— Даже так, — чуть удивленно протянул Флинт, на лице которого отразилась заинтересованность. — И от кого тебе это известно? От него?

Кивнул на мгновенно побледневшего Гана.

Прочитав ответ на моем лице, понятливо хмыкнул:

— А, Аночка, значит. Любопытно, чем это ты ее так зацепила, что она поведала о нашем славном прошлом?

Показалось, что за нарочитым легкомыслием пирата скрывается некоторая напряженность, вызванная невольным упоминанием то ли потерянной души, то ли того самого прошлого. Как бы то ни было, я поняла, что второй раз за этот вечер попала прямо в цель. Даже если Эртан Рей предан королю, это вовсе не значит, что он станет выполнять приказы, идущие вразрез с его собственной совестью. А приказ собрать кристалл душ, к тому же используя при этом мою кровь, — явно из их числа. Вдобавок адмирал сказал, что нынешний король, в отличие от предков, не заинтересован в этом артефакте. И причин не верить его словам у меня пока нет.

— Рей, как всегда, предусмотрителен, — заметил пират, взболтав содержимое бутылки. — Усилил защиту корпуса и даже вспомнил о нашей тайной лазейке в библиотеке. Не сомневаюсь, он и о твоём ши узнает. Так что готовься, следующие наши встречи будут проходить в других местах.

— Я не собираюсь с вами встречаться! — возразила возмущенно. — А если вы снова вздумаете переместить меня на свой корабль или куда бы то ни было без моего согласия, это будет считаться похищением. Можете не сомневаться, больше я не стану скрывать ваши визиты от... от адмирала Рея.

Темные глаза Флинта — несомненно, такие же темные, как его душа, — насмешливо блеснули:

— Но о нынешнем будешь молчать. Не выдашь ведь своего синего друга до того момента, пока Рей сам его не отыщет?

Я уже набрала побольше воздуха, намереваясь вновь возразить, но резко осеклась. Потому что, Глубина его побери, Флинт был прав! Он выбрал идеальное место для того, чтобы заявиться, — пещеру Гана, о которой я действительно никому не расскажу.

Нет, не потому, что за сделку с ши меня по головке не погладят. А потому, что, как ни странно, Гана мне было несколько жаль. Он не совсем походил на своих кровожадных собратьев, а жалость к сирым и обделенным у меня, похоже, в крови.

ГЛАВА 2

Продолжал гореть огонь под котелком, чуть подрагивая от сквозняка, чудо-варево по-прежнему кипело, выбрасывая облака белого пара. Флинт молчал, неспешно взбалтывая ром, но больше к нему не притрагиваясь. Ган рылся в своих закромах и

делал вид, что очень занят, а меня это начинало напрягать все больше и больше.

— Что вам сейчас нужно? — решила нарушить повисшее молчание. — Пить я ничего не стану.

Флинт исподлобья на меня посмотрел, изогнул губы в намеке на улыбку и покачал головой.

— Напрасно. Это и в твоих интересах тоже. Неужели сама не хочешь раскрыть свои способности? В тебе много магии, синеглазка, и, похоже, ты до сих пор этого до конца не осознаешь.

Здесь он снова был прав: я не осознавала. Понимала, что эта магия есть, дремлет где-то глубоко во мне и медленно пробуждается, но вот именно осознать, осмыслить и принять толком до сих пор не получалось.

— Предпочитаю честные методы, — ответила я на озвученный вопрос. — А какое-то зелье, под прикрытием именуемое чаем, к таковым не относится. И, уж простите, у меня нет никаких оснований вам доверять. Вам ведь необходимо раскрыть мои способности только для того, чтобы собрать этот глубокий кристалл. К слову, если адмирал Рей верно служит королю, то кому служите вы? На кого работаете?

Смелые слова вырвались сами собой, и хотя внутренне я тут же сжалась, о сказанном не пожалела ни капли. В конце концов, Флинту, как и прочим, я нужна живой, и пока ничего он мне не сделает.

Вместо ожидаемого раздражения на лице пирата отразилось легкое удивление с примесью такого же легкого удовольствия:

— Надо же, как быстро ты растешь. Я почти восхищен. Где робкая девочка, боящаяся оторвать от земли взгляд?

После такого вопроса взгляд предательски захотелось опустить. Потому что, несмотря на все доводы разума, интуитивно я прекрасно чувствовала исходящую от Флинта опасность. Она очень явственно проступала сквозь его теперешнюю легкомысленную ироничность.

Я до сих пор считала себя изрядной трусихой, но в настоящий момент эта трусиха гордилась собой. Потому что взгляд, как ни хотелось, все-таки не отвела.

— Что, заставите меня выпить это силой? — придав голосу твердость, я кивнула на стоящий на полу стакан.

Флинт делано удивился:

— Глубинных ради, неужели я так похож на изверга? Я всего лишь надеялся, что твоя маленькая нечисть все сделает как

надо, станет держать язык за зубами, а ты просто мирно попьешь чаю.

«Нечисть» прерывисто вздохнула, опасливо на него покоислась и на всякий случай залетела за спинку кресла. И в желании ретироваться я прекрасно Гана понимала: от вкрадчивости, что звучала в интонации Флинта, хотелось немедленно оказаться где-нибудь подальше.

Тем не менее заставлять меня пить зелье он действительно не стал и к этой теме больше не возвращался. Оставшееся время, которое провел в пещере, пират вел себя так, словно заглянул сюда, просто чтобы отдохнуть. Раскинулся в кресле, словно у себя дома, и взбалтывал ром в бутылке, устремляя на огонь задумчивый взгляд из-под полуопущенных век.

Я немного расслабилась. Мой колючий еж уплыл в Сумеречное море, и сидеть стало проще. Что было странно, учитывая, где и с кем я сейчас находилась. В логове ши вместе с его маленьким хозяином и неуловимым капитаном пиратов. Отличная компания!

Не изменяя своей привычке, уходить Флинт собрался внезапно. Я даже невольно подскочила, когда он поднялся с облюбованного кресла и устремился к очагу.

— Если ничего не поменяется, завтра тебя ждет интересное известие, — бросил он напоследок.

Только я хотела ответить, что никаких известий от него мне не нужно, как пират с усмешкой добавил:

— Не от меня, от твоего дражайшего Рея. До скорого, синеглазка!

— Он не мой! — машинально выкрикнула я, но пламя уже ярко вспыхнуло, полыхнуло жаром, и Флинт исчез.

Как только огонь успокоился, на всю пещеру раздался громкий облегченный вздох. Ган медленно опустился на пол, подполз к откупоренной бутылке и сделал несколько смачных глотков. Затем вновь выдохнул, отер губы и произнес:

— Не, возраст уже не тот для таких волнений. Протухший плавник бескровного ската, да в жизнь больше якшаться с такими типами не буду! Мамой клянусь!

Я бы много чего могла сказать и о его клятвах, и о нем самом. Но не стала. Вместо этого потребовала перенести меня к корпусу и, когда оказалась стоящей перед хорошо знакомыми воротами, повторила его облегченный выдох.

То обстоятельство, что многие ловцы, кадеты и даже капитаны сейчас находились в городе, несказанно порадовало. Ни-

кто не занимал душевую, к которой в это время обычно выстраивалась длинная очередь, никто не шумел в коридорах, и во всей крепости царили тишина и покой.

Пару дней назад я узнала от Агиры короткую дорогу от женской части общежития до кухни, где, если очень попросить, можно получить что-нибудь вкусенькое. И сейчас я этим знанием воспользовалась. Проголодалась знатно, а псевдочай вызвал сильное желание попить настоящего.

Размеры кухни впечатляли. Невзирая на поздний час, здесь еще трудилось с десяток поваров, орудующих кто ножом, кто половником, а кто и тем и другим одновременно. Шеф, которого мне несколько раз уже доводилось видеть в обеденном зале, зорко контролировал процесс, делал замечания и параллельно напевал что-то о чугунных сковородочках.

Заметив мой приход, он нахмурился, в ответ на что я поспешила его задобрить. Следуя совету Агиры, наговорила массу комплиментов приготовленным им блюдам, пожаловалась на вечные проказы Карка и от всего сердца пожелала шефу не обращать на них внимания. Ведь такому, несомненно, великому повару не следует тратить драгоценные нервы на какую-то безалаберную потерянную душу.

Вообще-то льстить я терпеть не могла, но благодаря работе в рыбной лавке и общению с разношерстными клиентами прекрасно умела это делать. В итоге шеф проникся, преисполнился ко мне симпатией и, продолжая напевать о чугунных сковородках-сковородочках, преподнес мне сладкий чай. И румяную булочку. И даже невесть откуда взявшуюся карамельку.

Дабы не отвлекать занятых повелителей сковородочек, кастрюлек и прочей кухонной утвари, я долго не задерживалась. Оказавшись в своей комнате, уселась на кровать, разложила перед собой полученное угощение, аккуратно поставила рядом чай и вооружилась учебником. Завтра ранним утром кадетам предстояло выступление с докладом перед капитаном Диатеем, которое считалось своего рода зачетом. Собственно, отчасти по этой причине я предпочла возвращение в корпус бесцельному шатанию по городу.

Постепенно кружка опустела, исчезла карамелька, надкушенная булочка сиротливо пристроилась на краешке тарелки. Я переворачивала страницу за страницей, повторяя то, что уже буквально отскакивало от зубов. Казалось, разбуди меня ночью — отвечу без запинки. Но мне хотелось произвести максимально хорошее впечатление на капитана Диатея, потому что

он внушал безграничное уважение и оплошать перед ним было бы стыдно.

— Скопления магии могут оказывать на потерянных душ... — я широко зевнула и потеряла слипающиеся глаза, — определенный эффект и вызывать аномалии в их поведении. А также аномалия может наблюдаться при...

Зевнула снова.

— Ботаник ундинистый, — шепотом припечатала меня сирена.

— Угорь книжный, — подхватила другая.

— Кадет немощный, — резюмировала третья, и я поняла, что действительно пора ложиться спать.

Следующим утром в аудитории, где традиционно проходили немногочисленные лекции, собрались все кадеты. Большая часть видела прискорбный: заспанный, усталый, так и кричащий о том, что они предпочли бы этим ранним часом нежиться в теплых постелях. Отчего я в очередной раз порадовалась, что накануне не присоединилась к гуляниям.

Но, надо отдать сослуживцам должное, как только в аудиторию вошел капитан Диатей, они преобразились моментально. Как по команде поднялись из-за столов, расправили плечи и даже исхитрились разлепить сомкнутые до этого веки.

Зачет, к которому я так старательно готовилась, пролетел незаметно и, что самое главное, приятно. Решившись выйти первой, я не только без запинки рассказала все выученное, но и благополучно ответила на все заданные вопросы и удостоилась чести быть поставленной в пример. Впрочем, хорошо ответили практически все: исключением стал лишь Горт, который прекрасно умел применять знания на практике, но имел проблемы с внятной связной речью.

Далее была небольшая утренняя тренировка, после которой я собралась идти в город, чтобы купить шаромаг. Перед этим вместе с остальными получила причитающееся жалование и обещанную премию, которая очень приятно позвякивала в кошельке, пока я вышагивала по заваленным снегом улочкам Сумеречья.

Компанию мне составил Горт и, как ни странно, Сильвия Уилград, неожиданно снизошедшая до бывшей торговки и сына пекаря.

— Что, в богатом клане не нашлось шаромага? — поддел ее Горт, когда мы спускались по лестнице к подножию скалы.

Альва гордо вздернула подбородок и, наградив его высокомерным взглядом, ответила:

— Я сама зарабатываю себе на жизнь и не пользуюсь клановыми благами.

В небольшом и самом недорогом магазинчике магических вещей сегодня было немногочисленно. Неизменный продавец — старина Арти, сидел за прилавком и, расслабленно почитывая свежую газетенку, раскуривал трубку. Этот пожилой чистокровный человек отличался излишней худобой, высоким ростом и крупными чертами лица, среди которых особенно выделялся большой, словно бы распухший нос.

Старина Арти был знатоком своего дела и хорошо разбирался во всевозможных артефактах. В магазинчике всегда царил идеальный порядок... в котором отыскать что-нибудь нужное, похоже, мог только сам Арти. Ассортимент составляли самоловчие рыбные сети (жаль, для душ таких не бывает), настойки из синих водорослей, временно придающие коже экзотический оттенок, порошки из редких морских цветков, очки для быстрого чтения и еще множество полезных и не очень штук.

Самостоятельно отыскать что-либо в этом маленьком, но захламленном помещении было практически невозможно. Поэтому Горт подозвал Арти, и тот подвел нас к высокому пыльному шкафу. На верхней полке, за банками с замороженными рыбьими глазами обнаружили ровно три шаромага — как под заказ.

Легко дотянувшись до них без использования лестницы, Арти протянул их нам со словами:

— У нас они в последнее время все реже и реже появляются. Все чаще в крупные магазины завозят, чтоб этих конкурентов проклятущих! Так что цены повысились. Но вы кадеты, а служителям морского флота грех скидочку не сделать.

Несмотря на то что озвученная сумма была процентов на тридцать меньше той, что выставляли в крупных магазинах, она все равно оказалась внушительной. Особенно если учесть, что мне по закону глубинной подлости достался надтреснутый шаромаг.

— Он хотя бы исправно работает? — усомнилась я, стерев с него пыль и подозрительно покосившись на разветвленную трещинку.

— Да как можно! — праведно возмутился продавец. — Мы некачественными вещами не торгуем! Но ежели госпожа кадет сомневается, может сию минуту его проверить.

Я прикусила губу, лихорадочно пытаюсь придумать, как выйти из положения, и за неимением лучшего варианта сунула свой шаромаг Горту:

— Давай лучше ты. У меня... это... нестабильная магия пока.

Горт удивленно на меня посмотрел, но просьбу все-таки исполнил. Несильно встряхнул шаромаг, и спустя несколько мгновений в том появились аккуратные, простые по форме кристаллы. Затем сын пекаря встряхнул и свой шаромаг — он показал то же самое.

— Вот видите! — Арти торжествующе поднял указательный палец. — Говорю же, неисправного товара не держим!

Как оказалось, уйти из магазина магических вещей, не приобретя что-нибудь ненужное, очень сложно. Очки для быстрого чтения буквально просили, чтобы я их купила, но даже премия не позволяла поддаваться соблазну. Жизнь давно научила меня экономить. А вот Горт и Сильвия приобрели по простенькому артефакту-накопителю и еще какие-то мелочи.

Во второй половине дня по расписанию у нас стояла основательная тренировка, но времени в запасе имелось предостаточно. Я хотела заглянуть еще в любимую библиотеку к господину Слоуэну, поэтому у выхода из магазина мы разошлись.

Морозец сегодня разыгрался нешуточный, вполне свойственный для второго зимнего месяца. Второй и первая половина третьего — вообще самый суровый период в Сумеречье. Зато как же приятно после них почувствовать робкое потепление, несущее легкое дуновение скорой весны... Пока о весне можно было разве что только мечтать.

Проходя мимо дешевого магазина одежды, я заметила на витрине теплый вязаный шарф в паре с рукавицами. Вещи были симпатичными, и соблазн потратить деньги вернулся, но победу вновь одержала годами возвращенная экономность. И любовь к своему старенькому красному шарфу, что уж тут.

— Фрида! — неожиданно раздалось позади меня. — Фрида Талмор!

Обладательницу этого голоса я узнала еще до того, как обернулась. Перед глазами тут же предстали давние, но ничуть не померкшие картины: вот я мерзну на пороге школы и не могу попасть внутрь, потому что Гейра с мальчишками держат дверь; вот Гейра ставит мне подножку, и я падаю, разбивая нос

под общий смех; а вот меня несправедливо отчитывает учительница с подачи все той же Гейры...

За прошедшие годы она изменилась. Переезд в столицу явно пошел ей на пользу, наложил на внешность отпечаток лоска и беззаботной жизни под крылом успешного отца, имеющего сеть небольших кондитерских. Королева-пироженка, как ее прозвали в детстве, построилась и повзрослела, но не утратила кукольного очарования.

— Фрида, ты? — в очередной раз переспросила она, хотя точно меня узнала. — Надо же, какая встреча!

Наверное, случись нам увидеться несколько месяцев назад, когда я работала в рыбной лавке, мне бы захотелось немедленно убежать или провалиться в Глубину. Но сейчас все было иначе.

— Здравствуй, Гейра, — приветствовала я, спокойно посмотрев ей в лицо.

По мне скользнули оценивающим взглядом и, судя по последовавшему за ним вопросу, в форме кадетов Морского корпуса Гейра не разбиралась:

— Как жизнь? Где работаешь?

Только я открыла рот, как она в своей излюбленной манере не дала вставить ни слова:

— Ах да. Слышала, ты в рыбной лавке торгуешь. Ну и как, много платят?

Теперь отвечать я даже не пыталась.

— Понимаю, копейки. Но, во всяком случае, больше, чем можно заработать попрошайничеством. Все еще стоишь на «Ледянке»?

А вот это откровенно брошенное оскорбление проглотить я уже не смогла. Так называемая «Ледянка» — перекресток, где часто собирались нищие, до сих пор преследовала меня в кошмарах. И мороз, пробирающийся под прохудившийся, изъеденный молью полушубок, и ооченевшие пальцы, и обветренные губы, с которых срывались ненавистные просьбы о подаянии. И маленькая девочка — моя ровесница, ползающая по заледенелому тротуару, когда какой-то юный лорд посчитал забавным рассыпать перед ней монетки.

В душе поднялась обжигающая, затопившая меня волна:

— Я...

Ответить мне снова не дали.

Но не Гейра — она стояла, изумленно вытаращившись мне за спину, — а тот, кто неожиданно положил руку на мое плечо и ровно произнес:

— Фрида Талмор служит в Морском корпусе ловцов потерянных душ. Она получает жалованье, достаточное для того, чтобы обеспечить себе достойную жизнь, и пользуется уважением среди сослуживцев за упорство и отвагу. Еще вопросы есть?

Я стояла ни жива ни мертва, не в силах поверить, что это происходит на самом деле. Но, кажется, бывшая одноклассница была потрясена куда больше моего: с ее лица буквально сбегали все краски, тонкие пальцы судорожно сжали дорожную сумочку, ноги в таких же дорогих сапожках сделали маленький шагок назад.

— Лорд... — едва слышно пролепетала Гейра. — Лорд Рей?

Почти в точности повторяя ее жест, я впила пальцами в кончик шарфа. Адмирал источал настоящий холод, но его прикосновение было полно теплого ободрения, даже жара, чувствующегося сквозь несколько слоев одежды.

За все годы совместной учебы мне ни разу не приходилось видеть Гейру настолько растерянной, и сейчас маленький черный червячок, сидящий где-то глубоко внутри меня, тихонько злорадствовал. Наверное, это не делало мне чести, но я действительно испытывала мрачное удовлетворение от того, что адмирал оказался здесь так вовремя и поставил Гейру на место.

Мне хватило времени насладиться произведенным эффектом, прежде чем адмирал Рей пошел прочь и позвал за собой. Напоследок взглянув на Гейру, я уже собралась идти за ним, как вдруг ощутила нечто странное. Нечто необъяснимое, заставившее задержаться взглядом на дорогой изящной сумочке, которую она по-прежнему крепко сжимала в руках.

— Люди не меняются, Фрида Талмор, — неожиданно прошипела Гейра. — Ты всего лишь девчонка из Слезных трущоб и, как бы ни старалась, навсегда ею останешься!

Оставив за собой последнее слово, она круто развернулась и спешно зашагала к ожидающему ее экипажу. Пока кучер предусмотрительно распахивал перед ней дверцу, пока Гейра забиралась внутрь, я все стояла, не сводя с нее глаз. И даже когда экипаж тронулся с места, провожала его взглядом до тех пор, пока не осознала, что уже очень долго заставляю адмирала ждать.

Сбросив странное оцепенение, я уж было подумала, что он ушел, но ошиблась. Адмирал стоял неподалеку и молча наблюдал не то за мной, не то за постепенно скрывающимся из виду экипажем.

— Пойдем, — просто сказал он, как только я оказалась рядом. — Нужно поговорить.

Это «нужно поговорить» показалось очень многообещающим. Тут же вспомнились слова Флинта о том, что сегодня адмирал Рей сообщит мне какую-то важную новость.

Я занервничала и настолько погрузилась в собственные волнения, что даже не заметила, как мы пришли в небольшую, уютящуюся рядом с аптекой таверну. Как заняли свободный стол, не заметила тоже. Зато когда гоблин с постной миной поинтересовался, чего мы изволим заказать, пришла в себя ментально.

Предложенный ассортимент не запомнила, поэтому просто попросила принести то же, что и моему спутнику. Благо деньги при себе имелись, а цены в заурядной таверне, в отличие от ресторанов, не кусались, аки чернозубые акулы.

Когда гоблин, громко шаркая башмаками по полу, удалился, за столиком повисло напряженное молчание. Вернее, напряженным оно было для меня. Адмирал же, судя по выражению лица, просто о чем-то задумался.

К тому моменту, когда перед нами поставили простой черный чай, я вся извелась и умудрялась сохранять видимость спокойствия лишь чудом.

— Может, чего-нибудь еще? — ничего не выражающим тоном осведомился гоблин, прибавив к чаю луковый пирог.

Адмирал Рей жестом велел ему уйти, и как только шарканье зазвучало в другом конце зала, внимательно на меня посмотрел.

Многострадальный кончик моего шарфика превратился в плотный жгут — хорошо, под столом не видно.

— Фрида, — как это обычно бывало, звуки бархатного голоса заставили невольно вздрогнуть. — Поднебесных ради, перестаньте трястись. Я намереваюсь съесть пирог, а не вас!

Меня это почему-то не успокоило. По ощущениям, щеки стали цвета того самого шарфика.

Адмирал шумно выдохнул и, чуть помедлив, спросил:

— Может, скажете, почему вы меня так боитесь? Что я совершил по отношению к вам такого, чтобы вызвать этот страх?

Если можно было покраснеть еще больше, я это сделала — буквально вспыхнула как каминное пламя, когда через него кто-то совершает переход. Язык прирос к небу, и, даже знай я ответ на поставленный вопрос, ответить все равно бы не смогла.

Точнее, могла сказать банальное: «Вы морской демон! Повелитель уймы потерянных душ, маг первой ступени!»

Но это было бы ложью. Как раз его магическая сила не пугала, ведь я знала, что кроется за ней на самом деле. И до сего момента видела от Эртана Рея только хорошее.

Он некоторое время помолчал, вероятно ожидая от меня хоть каких-то слов. Но, так их и не дождавшись, вновь заговорил. Только теперь его тон был почти таким же холодным, как при обращении к Гейре:

— В таком случае перейдем к сути. Накануне вечером отыскалась ваша мать.

Такого я не ожидала. Нет, где-то в глубине души подозревала, что рано или поздно это случится, но никак не была готова к таким новостям именно сейчас. Одним поднебесным известно, сколько раз в своем воображении я представляла этот момент, сколько раз проживала его во всех красках, испытывая десятки разнообразных, раздирающих душу чувств.

В реальности же я не смогла осознать полученное известие и не почувствовала практически ничего. Только ощущение, будто меня в ледяное море без предупреждения бросили.

— Ее зовут леди Аэлина Лавьет, — продолжал адмирал, пока я мысленно барахталась в накрывающих волнах. — Это известная фамилия в высшем свете. Чистокровных родов ундинов существует не так много, и этот — один из них. Вдовствующая леди Карелла Шаркэ, приходящаяся тебе бабушкой, пользуется уважением в обществе, чем по большей части обязана ныне покойному мужу. Аэлина также является вдовой, ее супруг погиб несколько лет назад. Насколько известно, сейчас у нее негласный роман с советником короля, но это не столь важно. О своем особом происхождении они обе явно осведомлены, хотя, разумеется, никогда его не афишировали.

Рассказ адмирала проплывал как будто мимо меня, в то время как я все тонула, тонула, тонула... Барахталась в ледяном море, не понимая, что происходит.

Мама, бабушка... Бабушка, ши возьми! Да к тому же леди!

В мыслях роилось столько вопросов, что я не знала, какой из них озвучить первым, к тому же не была уверена, хочу ли по-

лучить ответы. Возможная правда пугала, и мне было страшно даже подумать о причинах, по которым мама могла меня оставить. Страшно, потому что я была уверена — какими бы они ни были, принять их я вряд ли смогу. Возможно, пойму, даже признаю весомыми, но не приму. Если все это время она жила, зная о моем существовании, если купалась в роскоши, в то время как я выпрашивала милостыню, если...

— У нее есть еще дети? — вынырнув из собственного моря, хрипло спросила я.

— Нет. Есть основания полагать, что ваш род продолжается только одним ребенком, причем каждый раз — девочкой.

Теперь я тем более ее не понимала. Зато внезапно поняла другое — мамой больше не сумею назвать даже мысленно. Аэлина или леди Лавьет, по-другому никак.

Неожиданно мою лежащую на столе руку накрыла ладонь, прикосновение которой заставило встрепенуться и взглянуть в лицо адмиралу. Его всегда холодные глаза оттаяли и смотрели внимательно, заглядывали почти в самую душу, словно бы зная, что в ней сейчас творится.

Судорожно сглотнув и не осмелившись отнять руку, я все так же хрипло спросила:

— Они... в смысле... мои родственницы, тоже ведь являются носительницами особой крови? Их тоже могут использовать для соединения осколков?

— Основная часть силы сосредоточена в тебе как в последней наследнице. — Голос адмирала отчего-то тоже звучал глухо. — Но даже если кто-то вознамерится использовать их, леди Шаркэ обладает и средствами, и влиянием, чтобы себя защитить.

До конца осознать рассказанное у меня все равно не получалось. Я воспринимала все будто во сне, но знала, что поздним вечером, оказавшись наедине, не сдержусь. Буду думать, постепенно осмысливать и точно разревусь, выпустив соленое море наружу.

Руку я все-таки высвободила и отвела взгляд, уставившись в небольшое, покрытое морозным узором окошко. За ним кружил редкий снег, и день стоял на удивление солнечный, что в наших краях случается редко.

— Фрида, я понимаю, насколько это тяжело, — произнес адмирал. — Но тебе придется с ними встретиться.

Адмирал Рей исхитрился менять форму обращения так плавно, что я даже не замечала. Только теперь обнаружила, что

он говорит мне «ты» практически половину разговора. В отличие от бывшего работодателя или ему подобных, которые таким обращением ставили себя выше других, от адмирала оно звучало мягко и доверительно. Будто сокращая незримое расстояние между нами, стирая установленные рамки и делая ближе.

Невольно задумавшись об этом на несколько коротких мгновений, я не сразу уловила смысл только что сказанного. Да, этим днем я вообще являла собой образец рассеянности.

— Что? — переспросила наконец, вникнув в смысл слов.

— Тебе необходимо встретиться с матерью, — терпеливо повторил адмирал. — В складывающейся ситуации любая поддержка не будет лишней. Вдобавок она или леди Шаркэ могут знать о местонахождении грота либо же располагать другой важной информацией. Но если ты категорически откажешься от этой встречи, заставлять тебя никто не станет. Я, как и обещал, сделаю все для твоей защиты. Но, прежде чем дашь окончательный ответ, прошу хорошо подумать.

Обхватив пальцами кружку уже почти остывшего чая, я посмотрела на свое маленькое размытое отражение и глубоко вдохнула. В настоящий момент понять, хочу ли видеться с так называемой родней, было сложно. Наверное, теперешняя я — повзрослевшая и хоть сколько-нибудь поумневшая — не желала видеть тех, кто обо мне забыл. Но другая моя часть — маленькая девочка, каждый вечер ставящая на подоконник банку светлячков, тянулась к этой встрече, наивно веря в сказку.

К тому же я понимала, что речь идет не только обо мне и о моих чувствах. Леди Шаркэ и ее дочь действительно могут располагать очень важными сведениями, и с моей стороны будет эгоистично думать только о себе.

ГЛАВА 3

— Надень его, когда вернемся в корпус. — Адмирал протянул мне небольшой отполированный камешек на тонкой серебряной цепочке. — Этот амулет защитит и даст мне знать, если ты окажешься в опасности.

Какая ирония. Вот уже в третий раз за последнее время мне преподносят украшение. Причем не кто-нибудь, а известные на все королевство пират и адмирал королевского флота. Мне, ничем не выдающейся Фриде Талмор!

Впрочем, учитывая некоторые обстоятельства, мнение о самой себе придется пересмотреть. Не такая уж я и невыдающаяся. И, судя по стремительно развивающимся событиям, известность в определенных кругах тоже не за горами.

Поколебавшись несколько мгновений, я робко приняла кулон и спрятала его во внутренний карман пальто. Показалось, что бледно-голубой камешек источает легкое тепло, и вообще касаться его было очень приятно.

Защита, значит. Артефакт, устанавливающий связь и настроенный в данном случае на меня и адмирала Рея.

Вот так незаметно наступил подходящий момент спросить о том, о чем я уже давно задумывалась. Мне и раньше случалось замечать, что адмирал оказывается рядом в нужное время (за исключением ситуаций с Кайером Флинтом), но если прежде я списывала это на случайность, то после сегодняшнего происшествия с Гейрой заподозрила неладное.

— Как получилось, что вы так вовремя оказались в этих кварталах?

Наверное, вопрос стоило сформулировать несколько иначе, но я боялась, что передумаю и опять промолчу.

Уголки губ адмирала чуть приподнялись.

— Не мог же я нарушить обещание и оставить тебя без присмотра. С некоторых пор тебя сопровождает одна из моих потерянных душ.

Кажется, после такого заявления я потеряла свою челюсть, укатившуюся куда-то под стол.

— В-ваших д-душ? — переспросила, заикаясь. — Как же...

Сбившись с мысли, фразу я не закончила, и вместе с тем в памяти всплыла очень яркая картинка, как адмирал использовал потерянную душу, дабы переместиться из катакомб дробу в Морской корпус.

Воспоминания навевали страх — это если мягко сказать. Очень мягко.

Так и представился размытый белесый силуэт, принимающий очертания дверного проема... Как есть жуть!

— Да, одна из моих душ, — спокойно повторил адмирал Рей, наконец принявшись за луковый пирог. — Если вы, кадет Талмор, задаетесь вопросом, как это возможно, поясню. Маги с шестой по третью ступень могут привязывать потерянные души к какому-либо месту. Маги третьей — еще и к предмету. А маги первой при определенных природных задатках способны привязывать потерянные души к себе. Также существуют

маги первой ступени, именуемые морскими демонами, — в зависимости от объема магического резерва они держат и управляют несколькими душами, а помимо привязки непосредственно к себе могут привязать их к кому-то другому.

Съев кусочек пирога, адмирал невозмутимо закончил:
— Я отношусь к последним.

Мог бы не напоминать — меня и так на мелкую дрожь пробило. И от обыденности его тона, и непосредственно от сути сказанного.

Разумеется, я знала, кто такие морские демоны и на что они способны. Но об их способностях привязывать потерянные души не только к себе, но и к другому человеку, слышала впервые.

Это что же получается — сейчас рядом со мной постоянно находится невидимая потерянная душа, способная левой пяткой отправить на дно не один корабль?

Вот ши!

— И да, Фрида, — с нескрываемым удовольствием съев еще один кусочек местного изыска, вновь заговорил адмирал. — Об этом лучше никому не рассказывать.

Этого тоже мог бы не говорить. Я никогда не относилась к числу любителей почесать языком. Да и вообще скорее откусила бы этот самый язык, чем проболталась кому-то о своем «тесном» знакомстве с адмиралом.

Подняв на морского демона несчастные глаза, я с надеждой спросила:

— А может, достаточно кулона?

— Кулон необходим для твоей безопасности в корпусе, — возразили мне. — Установленная вокруг скалы защита не позволяет использовать потерянные души в полной мере, но за пределами корпуса именно душа обеспечит безопасность. Артефакт может дать сбой, а потерянная душа, находящаяся под моим контролем, — нет.

Звучало убедительно и исчерпывающе. Заодно стало предельно ясно, почему Флинт выбрал для нашей встречи именно пещеру Гана, находящуюся прямо под корпусом.

Подперев подбородок рукой, я покосилась на луковый пирог, но, невзирая на его аппетитность, так к нему и не притронулась. Обреченно вздохнув, отхлебнула остывший чай, отставила кружку и негромко поинтересовалась:

— А как ее зовут?

Меня одарили удивленным взглядом:

— Кого?

— Привязанную ко мне душу, — меланхолично пояснила я. — Или это он?

Кажется, мне впервые удалось поставить адмирала в тупик. Не то чтобы он молчал долго, но молчание это было очень выразительным. Крайне задумчивым, я бы сказала.

— У таких душ нет имен, — сообщил он общеизвестный факт. — Они отличаются от привязанных к месту — таких, как те, что служат в корпусе.

Отступать так просто я не собиралась. Все-таки представлять, что рядом находится самая обычная потерянная душа, а не безымянная невидимка, было морально проще.

— Так он или она? — преисполнившись неожиданной наглости, повторила я.

— Он, — ответил адмирал Рей спустя очередную короткую паузу.

— Значит, будет... — я задумалась, пытаюсь подобрать подходящее имя. И, снова вспомнив белесый, будто сотканный из тумана силуэт, уверенно выпалила: — Дымок!

Адмирал, в этот момент доедающий пирог, поперхнулся. Закашлялся, опустошил чашку гадостного по вкусу чая и недолго переспросил:

— Дымок? И это имя для смертоносной потерянной души? Он, между прочим, один из сильнейших в моем подчинении!

Потупившись, я упрямо пробормотала:

— Все равно на дым похож. А Дымок — это мило и совсем не жутко.

Раздался какой-то странный звук, заставивший подумать, что адмирал подавился вторично. Но, подняв глаза, я обнаружила, что он едва сдерживает смех.

И ничего смешного! Это всяким морским демонам с душами рядом находиться — все равно что на горячих источниках отдыхать. А нам, простым полуундинам, это очень и очень страшно!

Неожиданно занавески на окне зашевелились. Чуть всколыхнулись мои волосы, лица коснулось прохладное дуновение, а на недопитом чае образовалась тонкая корочка льда.

Что это такое, я поняла не сразу. Зато выражение лица адмирала теперь точно можно было трактовать, как по-настоящему удивленное.

— Надо же, — словно не веря, с сомнением произнес он. — Похоже, новое имя ему понравилось.

Волосы на моей голове снова зашевелились — только уже не от ветра. Ну ничего себе! Вот вам и бесчувственная потерянная душа...

— Позвольте поинтересоваться, это у вас талант такой? — вкрадчиво уточнил адмирал. — Вызывать доверие всех живых и даже фактически мертвых? Морские коттики, обычные коттики, потерянные души...

«Морские демоны», — чуть было не брякнула я, но вовремя опомнилась.

Вскоре в таверне началась потасовка, и мы поспешили уйти. Адмирал сопроводил меня до набережной, где велел возвращаться в корпус.

— В корпус, Фрида, — еще раз повторил он. — Прямо и только прямо. Шагом марш!

Я и зашагала. Чувствуя на себе неотрывный провожающий взгляд, обернулась и, поражаясь собственной дерзости, иронично отдала честь. А затем подобрала полы пальто и припустила со всего духу. По набережной, разумеется. Прямо и только прямо!

Сегодня пользоваться помощью Гана я не рискнула, но и подниматься на скалу своим ходом не пришлось. Удачная встреча с Тэйном способствовала полету на грифоне, а уже буквально через полчаса я оказалась на тренировке. Еще несколько месяцев назад такие нагрузки показались бы мне невозможными, но сейчас я уже успела к ним привыкнуть. Программа для кадетов была составлена безупречно, сложность нарастала постепенно, так что мы все справлялись. А если вдруг кто-то пытался отлынивать, жаловаться и принимать облик ползающего по снегу червяка, его быстро приводил в чувство громкий голос капитана Вагхана.

— Подъем или увольнение! — то и дело разносилось по полигону. — Кадет Нрирл, вы уверены в своем выборе?!

Умел наш капитан мотивировать, что тут скажешь.

После колоссальной потери энергии я не отказалась от позднего ужина, который прошел приятно. В общем-то как и весь день. Саламандры устроили целое огненное представление, Карк, пользуясь отсутствием начальства, развлекался, передвигая тарелки с места на место и заставляя их исчезать. Горт зачитывал юмористические стишки собственного сочинения, кто-то стал накладывать их на музыку, и в какой-то момент ужин превратился в репетицию хора. Весело, одним словом.